

«t»: ПОЛИСЕМИЯ НАЗВАНИЯ

Среднестатистический читатель, как известно, выбирает книгу по обложке – прежде всего он обращает внимание на жанровую принадлежность текста, его тематику, обо всем этом, как правило, можно узнать по названию, оформлению книги и, разумеется, фамилии автора, если она широко известна. Таким образом, удачный выбор названия для автора популярной литературы приносит не только «художественный», но и коммерческий успех. Цель данной статьи – проанализировать информацию, заключенную в названии романа «t» Виктора Пелевина.

Обложка вышедшего в 2009 году романа В. Пелевина не так уж много может сказать покупателю, рассматривающему прилавки книжных магазинов. Если название романа «Чапаев и Пустота» намекало на буддистскую проблематику, «Generation “П”» рождало ассоциации с «Generation “X”» и соответствующей проблематикой, название «Числа» могло подсказать связь с кабалистикой, мистичеки-фантастическое содержание «Ampire “V”» и «Священной книги оборотня» и вовсе лежит на поверхности, то смысл названия «t» читатель может разгадать только в том случае, если откроет книгу или заглянет на обратную сторону суперобложки. Если он сделает это, то обнаружит, что Т. – имя некоего графа, заглавного героя романа. Прочтя название первой части – «Железная борода», редкий читатель не догадается, о каком графе идет речь, а последующий вскоре диалог должен и вовсе развеять любые сомнения:

« – А знаете ли, что за таинственный замок на холме, отец Паисий? Это Ясная Поляна, усадьба графа Т.

Он выговорил так — “графа Тэ”.

– Неужели? — вежливо, но без интереса переспросил священник. — Какое странное имя.

– Графа стали так называть из-за газетчиков, — пояснил Кнопф. — Рассказывая о его похождениях, газеты никогда не упоминают его настоящей фамилии, чтобы не попасть под статью о диффамациях. Эта кличка теперь у него вместо имени» [3, с. 3]. Но есть и другое объяснение тому, что заглавный герой выступает в романе под «кличкой», а не под «именем»: его сходство с прототипом очень условно, если это и Толстой, то такой, каким он предстает в массовом сознании: «Толстой — такое слово, что все со школы помнят [3, с. 94]». Для узнаваемости Т. наделен бородой, Ясной Поляной и фразами о непротвлении и опрощении, а для того, чтобы было «загадочно, сексуально и романтично» [3, с. 95] – лишен памяти, помолодел лет до тридцати и владеет боевыми суперприемами (так же как и герой книги Достоевский, который в тексте «не рефлексирующий мечтатель и слабак, а боец. Такой доверчивый титан, нордический бородатый рубака, зачитывающийся в свободное время Конфуцием...» [3, с. 142]). По настоящему героя и его протип роднят,

пожалуй, лишь напряженные духовные поиски, которые Толстой вел всю жизнь, а Т. – на протяжении всего романа, и графский титул, потому что «сегодня граф Толстой интересен публике только как граф, но не как Толстой. Идеи его особо никому не нужны, и книги его востребованы только по той причине, что он был настоящим аристократом и с пеленок до смерти жил в полном шоколадном гламуре. Если “Анну Каренину” и “Войну и мир” до сих пор читают, это для того, чтобы выяснить, как состоятельные господа жили в России, когда Рублевки еще не было. Причем выяснить из первых графских рук» [3, с. 95]. Таким образом, выбор прототипа для героя, его имя и – отчасти – название книги объясняется тем, что «Главная культурная технология двадцать первого века, чтобы вы знали, это коммерческое освоение чужой могилы. Трупоотсос у нас самый уважаемый жанр, потому что прямой аналог нефтедобычи. Раньше думали, одни чекисты от динозавров наследство получили. А потом культурная общественность тоже нашла, куда трубу впендюрить. Так что сейчас всех покойничков впрягли» [3, с. 142].

Однако духовные поиски Льва Толстого, его авторитет и мифологизированность – не единственная причина для того, чтобы избрать знаменитого писателя прототипом главного героя. Другая причина – возможность гармонично включить в текст романа исторических персонажей той эпохи и обширный пласт текстов, в том числе – и произведений самого Толстого, возможность играть со временем, сталкивая и сравнивая прошлое и современность. Догадаться об этом можно даже по названию, если вспомнить, что латинское *t* – математический символ времени в формулах и задачах.

Несмотря на то, что большинство событий в романе происходит в достаточно условном времени конца девятнадцатого – начала двадцатого веков, в нем то и дело затрагиваются самые злободневные проблемы современности, так, например, один из героев рассуждает о причинах финансового кризиса: «В этот раз даже объяснять ничего не стали. Раньше в таких случаях хотя бы мировую войну устраивали из уважения к публике. А теперь вообще никакой подтанцовки. Пришельцы не вторгались, астероид не падал. Просто женщина-теледиктор в синем жакете объявила тихим голосом, что с завтрашнего дня все будет плохо. И ни один канал не посмел возразить» [3, с. 97]. Такие актуальные рассуждения не оторваны от основного повествования, ведь, например, именно финансовый кризис непосредственно влияет на судьбу графа Т.: в зависимости от того, кто готов оплачивать проект, героя то готовят вернуться в лоно церкви, то помещают вдвоем с Достоевским в окоп, чтобы оттуда отстреливаться от мертвых душ, то предрекают кончину без покаяния и вечные муки в аду. Последний вариант, например, финансируется православной церковью, которая во время кризиса разбогатела, потому что «В кризис больше народу мрёт — инфаркты там, то да сё. А они в основном на жмурах поднимают» [3, с. 257]. Неподтвержденная версия о том, что в Таганроге в 1825 году умер и был затем похоронен не Александр I, а его двойник, сам же царь назвался Фёдором Кузьмичом и жил в Сибири старцем-

отшельником, преобразуется Пелевиным в легенду о живущем в катакомбах под Петербургом старце Фёдоре Кузьмиче, о котором в народе говорят, «что раньше он был двухговым императором Петропавлом, но потом, после великой духовной брани, усек одну главу и ушел в затвор — а какую главу он усек, либеральную или силовую, не открывали, чтобы не смущать народ, и каждый верил по-своему» [3, с. 211-212]. Эта легенда, несмотря на свою кажущуюся на первый взгляд абсурдность, намекает, с одной стороны, на противоречивость царствования Александра I, когда попытки проведения коренных либеральных реформ сосуществовали с так называемой «аракчеевщиной», а с другой – на борьбу между «силовиками» и «либералами», происходящую, по Пелевину, в современной России. Чем закончится схватка, происходящая в XXI веке, пока неясно, а вот Фёдор Кузьмич, судя по тому, что цитирует сосланного Александром I А.С. Пушкина («Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей...») [3, с. 329]), отсёк себе именно силовую голову.

В романе Пелевина переосмысляются и обыгрываются не только отдельные исторические события, но и целые книги. Так, например, читателю предлагается своеобразная «кавер-версия» «Дневника писателя». На страницах этого публицистического по преимуществу труда Ф.М. Достоевский, как известно, освещал актуальные политические, эстетические и этические проблемы, дискутировал с оппонентами и давал советы молодёжи. Достоевский из «t», воюя в туманном и призрачном Петербурге с мертвыми душами, пишет свой «дневник» под названием «Правила смерти Фёдора Достоевского». Так в частности утверждается:

«– В жизни вам встретится много предметов, из которых выходит отличное дешевое оружие. Возьмите ящик, бочку, кирпич и киньте их во врага.

– Отняв у врага водку и колбасу, не тратьте патрон на контрольный выстрел – все равно он скоро умрет от радиации.

– Always aim for the head. You will do more damage» [3, с. 148]. Прочтя этот отрывок, читатель, интересующийся современной литературой, непременно вспомнит вышедший в 2009 году роман-компьютерную игру Б. Акунина «Квест». Современная словесность, безусловно, интересуется и Пелевина, особое внимание в «t» уделено массовой литературе, не случайно проснувшийся «из Т.» Лев Толстой жалуется Черткову, что писатели XXI-го века «книги пишут, как наши мужики растят свиней на продажу» [3, с. 353]. Так же написана, по мнению проснувшегося Толстого, книга о графе Т. Нога Здесь мы подходим к наиболее важному, на наш взгляд, значению названия «t». Думается, первое, на что указывает его «аскетичность» – подчеркнутая схематичность, скорее даже – формульность романа, к выбору именно последнего эпитета склоняет и уже упомянутое использование латинской буквы t как символа в математических формулах.

Понятие литературной формулы, как известно, было предложено Джоном Кавелти в книге «Приключение, тайна и любовная история:

формульные повествования как искусство и популярная культура». Ученый предлагает понимать формулу как «структуру повествовательных или драматургических конвенций, использованных в очень большом числе произведений» [2, с. 36], формулы легко соотносимы с популярными жанрами: детективом, боевиком, триллером, эротическим и любовным романами. Пелевин был одним из первых российских постмодернистов, которые начали активно использовать приёмы массовой литературы в своём творчестве, однако, наверно, нигде, в том числе и в романах самого Виктора Олеговича, они не использовались так нарочито явно, как в «t». Сюжет романа заключается в том, что граф продвигается к некоей цели, а Ариэль Эдмундович Брахман, главный литературный редактор, выдумывающий приключения Т. и время от времени общающийся с ним, руководит бригадой писателей, которые постоянно уводят героя «от поиска вечной истины к высасыванию душ в консольном шутере, мотивируя это требованиями кризиса и рынка. Романом является описание этого процесса во всей полноте» [3, с. 339]. Каждый из этих авторов отвечает за определенную повествовательную конвенцию, и граф, чтобы спастись, должен научиться различать авторов, которые его «пишут» в данный момент. Тому же учится и читатель, правда, в отличие от графа он встречал всех этих писателей не раз. Всего под руководством Ариэля работают четыре автора: Митенька пишет эротические сцены (имя этого автора, по-видимому, заимствовано из «Братьев Карамазовых», где старший брат Дмитрий согласно собственной характеристике – тоже «сладострастное насекомое» [1, с. 138]); Григорий Овнюк (имя персонажа, быть может, неслучайно построено по тому же принципу, что и псевдоним Григория Чхартишвили (Б. Акунин)) – специалист-«остросюжетник» [3, с. 92], отвечает за приключенческую линию, драки, погони и перестрелки; Гоша Пиворылов – «Торчок. Ну, или криэйтор психоделического контента... Отвечает, короче, за измененные состояния сознания» [3, с. 92]; имя последнего автора не названо, но есть основания предполагать, что это – Виктор Пелевин, «метафизик абсолюта» [3, с. 93], он разрабатывает внутренние монологи графа. Еще одна повествовательная конвенция представлена творчеством Аксиньи Толстой-Алсуфьевой, любовницы Т. Ее произведения не влияют на жизнь графа так же непосредственно, как пяти названных выше авторов, это – так называемые «розовые» романы: «Как соблазнить аристократа», «Как соблазнить гения», «Моя жизнь с графом Т.: взлеты, падения и катастрофа».

Хотя в романе синтезированы приёмы массовой и элитарной литератур, про него вряд ли можно сказать, что он может быть прочитан, как, скажем, «Имя розы», когда неподготовленный реципиент следит за увлекательным сюжетом, а интеллектуал наслаждается поисками аллюзий и интертекстуальных следов. Постоянно заставляя замечать руку того или иного криэйтора, Пелевин не только пародирует популярную литературу, но и формирует активного читателя, читателя-соавтора, не случайно и графу Т. удается вырваться из порочного круга дурной бесконечности чужих вымыслов, лишь осознав, что настоящим автором любого произведения является читатель, а кроме него вообще никого и ничего не существует. Учитывая, что «Читателя, говорят, уже много раз в мировой литературе делали героем текста, и всегда с

негативным для продаж результатом...», потому что нарушается «иллюзия вовлеченности в происходящее» [3, с. 256-257], можно предположить, что использование Пелевиным литературных формул имеет целью не расширение круга публики, но её совершенствование. Таким образом, несмотря на закрепившуюся за писателем репутацию беллетриста, роман «t», как нам кажется, скорее относится к экспериментальной литературе. Поэтому для него выбрано название, которое не должно провоцировать никаких жанровых ожиданий.

Правда, оно провоцирует ожидания несколько иного рода, ведь использование сокращений и аббревиатур в названиях романов стало, если можно так выразиться, фирменным приёмом Пелевина, достаточно вспомнить «Generation “П”» и «ДПП (нн)», «Ampire “V”» и «П5». Таким образом писатель создаёт гипертекст, своеобразную «Человеческую комедию» со сквозными героями, темами и приёмами. К примеру, в «t» мы встречаем молодого Чапаева и предисторию пальца, которым ему предстоит уничтожить мир (на самом деле – не уничтожить, а лишь выявить его истинную сущность: пустоту). Первый эпизод с пальцем почти буквально цитирует ситуацию из рассказа Л. Толстого «Отец Сергей»: Т. пытается отрубить себе палец, чтобы вырваться из под власти Митеньки. Следующий эпизод существенно усложняет символику этого артефакта: мы узнаём о древней китайской легенде, в которой мудрец в ответ на вопросы об устройстве мира и природе человека поднимал вверх палец. Его ученик, не обладая соответствующей просветленностью, в тайне от учителя механически повторял его действия перед людьми, не дошедшими до мудреца. Узнав об этом, переодетый до неузнаваемости учитель пришел к ученику и задал вопрос о смысле жизни. Когда тот поднял вверх палец, учитель отрубил его и задал тот же вопрос еще раз. Не успевший опомниться ученик поднял вверх уже несуществующий палец и, поскольку сам свято верил в просветленность учителя, достиг просветления. В конце «t» граф так отвечает на предложение говорящей лошади всё-таки отрубить себе напоследок палец: «Я определенно чувствую, в одном Ариэль Эдмундович был прав — то, что он назвал «реальностью», обязательно пустит где-нибудь ростки. Вот пусть Чапаев с ними и разбирается. Может, его уговоришь насчет пальца» [3, с. 381].

Тексты Пелевина объединены не только общими темами и героями, но и, например, стремлением уравнивать их с реальностью. Для этого писатель обрамляет романы милицейскими протоколами, комментариями специалистов или свидетельствами монахов. В «t» такой привязкой к реальности служит фамилия и инициалы литературного редактора А.Э. Брахмана, взятые в траурную рамку и помещенные среди фамилий членов редколлегии на странице с выходными данными, количеством экземпляров книги и т.п. (по сюжету романа нельзя однозначно заключить, что Ариэль погибает, но обычную реальность он покидает наверняка).

Таким образом, единственным, что наметит не слишком догадливому читателю на то, чего можно ждать от романа со странным названием «t», будет имя автора. Впрочем, нужно сразу признать, что эта подсказка не обманет, и по ней можно догадаться о многом: будут и увлекательный сюжет, и размышления о «вечных» «проклятых» вопросах, и увлекательная игра со словами и чужими текстами, короче говоря – о всем том, что неизменно присуще романам Виктора Пелевина.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 10-ти томах, т.9. - М., Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 634 с.
2. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул / Дж.Г. Кавелти; пер. с англ. Е. М. Лазаревой // Новое литературное обозрение. – 1996. - № 22. – С. 33-64.
3. Пелевин В. t. / В. Пелевин. – М., Эксмо, 2009. – 384 с.

Аннотация

Г.С. Ключко. «t»: полисемия названия. Анализируются значения и функции названия романа «t» Виктора Пелевина, такие как отсылка к имени заглавного героя, указание на формульность, псевдоисторичность книги и др. Рассматривается соотношение экспериментальных и массовых конвенций в тексте, его связь с другими романами писателя, образующими своеобразный гипертекст. Ключевые слова: название, жанр, читатель, беллетристика, формульность, экспериментальность, гипертекст.

Анотація

Г.С. Ключко. «t»: полісемія назви. Аналізуються значення і функції назви романа «t» Віктора Пелевіна, такі як відсилання до імені заглавного героя, вказівка на формульність, псевдоісторичність книги тощо. Розглядається співвідношення експериментальних і масових конвенцій в тексті, його зв'язок з іншими романами письменника, що створюють своєрідний гіпертекст. Ключові слова: назва, жанр, читач, белетристика, формульність, експериментальність, гіпертекст.

Summary

G.S. Kluyko. “t”: the polysemy of the title. It will be analyzed the meanings and the functions of the title of the Victor Pelevin’s novel “t”, namely the reference to the name of the central personage, the evidence that the novel is formula and pseudo-historical. It will be considered the correlation of experimental and mass conventions in the text, its connection with other novels of the writers, what creates a peculiar hypertext. Key words: title, genre, reader, fiction, formula, experiment, hypertext.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором В. А. Гусевым.